

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

64

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1956

Б. А. ЛИТВИНСКИЙ

ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТАХ В ВАХШСКОЙ ДОЛИНЕ И В ИСФАРИНСКОМ РАЙОНЕ (В ВОРУЖЕ)

В составе ТАЭ в 1954 г. работали, в числе других, Хуттальский отряд — на юге Таджикистана и отряд по сбору материалов для археологической карты — на севере республики¹. Эти отряды занимались изучением памятников оседлого и кочевого населения эпохи рабовладельческого общества, а также средневековья. Ниже дается краткая характеристика некоторых сторон проведенных работ.

На юге республики, на территории, где в древности располагалась Северная Бактрия, производились раскопки двух городищ — Кухна-кала² и Кум-тепе. Оба они лежат на краю верхней террасы Вахша, близ Ворошиловабада. Городище Кухна-кала характеризуется четким рельефом, редким для памятников Таджикистана (рис. 27).

Была поставлена задача выявить планировку городища на большой площади. Раскоп I занимал 1600 кв. м. Здесь вскрыто 17 помещений и осталось невскрытыми, судя по микрорельефу, еще несколько (вероятно, — три-четыре). Кроме того, завершены раскопки внутрибашенного помещения и обнажен (на коротком отрезке) внешний фас северной стены (рис. 28).

Важным элементом планировки участка служил прямоугольный двор, вытянутый с севера на юг. В целом комплекс представлял образец довольно сложного планировочного решения. Варьируя размер помещений, связывая комнаты и группы их полосами коридоров, строитель проявил незаурядную творческую изобретательность. В планировке комплексов чувствуется определенный архитектурный ритм.

Изучение многочисленных помещений подтвердило вывод, сделанный в результате раскопок 1953 г., о том, что комплекс сооружений не был достроен. Нигде не обнаружено обмазок пола; штукатурка сохранилась только в нижней части стен, которые, очевидно, были доведены до уровня перекрытия, и на этом строительство прекратилось. В заполнении помещений встречены лишь отдельные фрагменты керамики на полу и в слоях разрушения. В двух комнатах на полу обнаружены следы погребений. Аналогичная картина наблюдалась и в раскопе в юго-западной части памятника.

Эти наблюдения, подкрепленные характером рельефа, однородного на всей площади, делают весьма вероятным приведенное выше заключение, что

¹ Отряды работали под руководством автора настоящего сообщения.

² Описание городища и данные о раскопках 1953 г. см. Б. А. Литвинский и Е. А. Давидович. Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда на территории Вахшской долины в 1953 г. Докл. АН Тадж. ССР, вып. 11, Сталинабад, 1954, стр. 53—60.

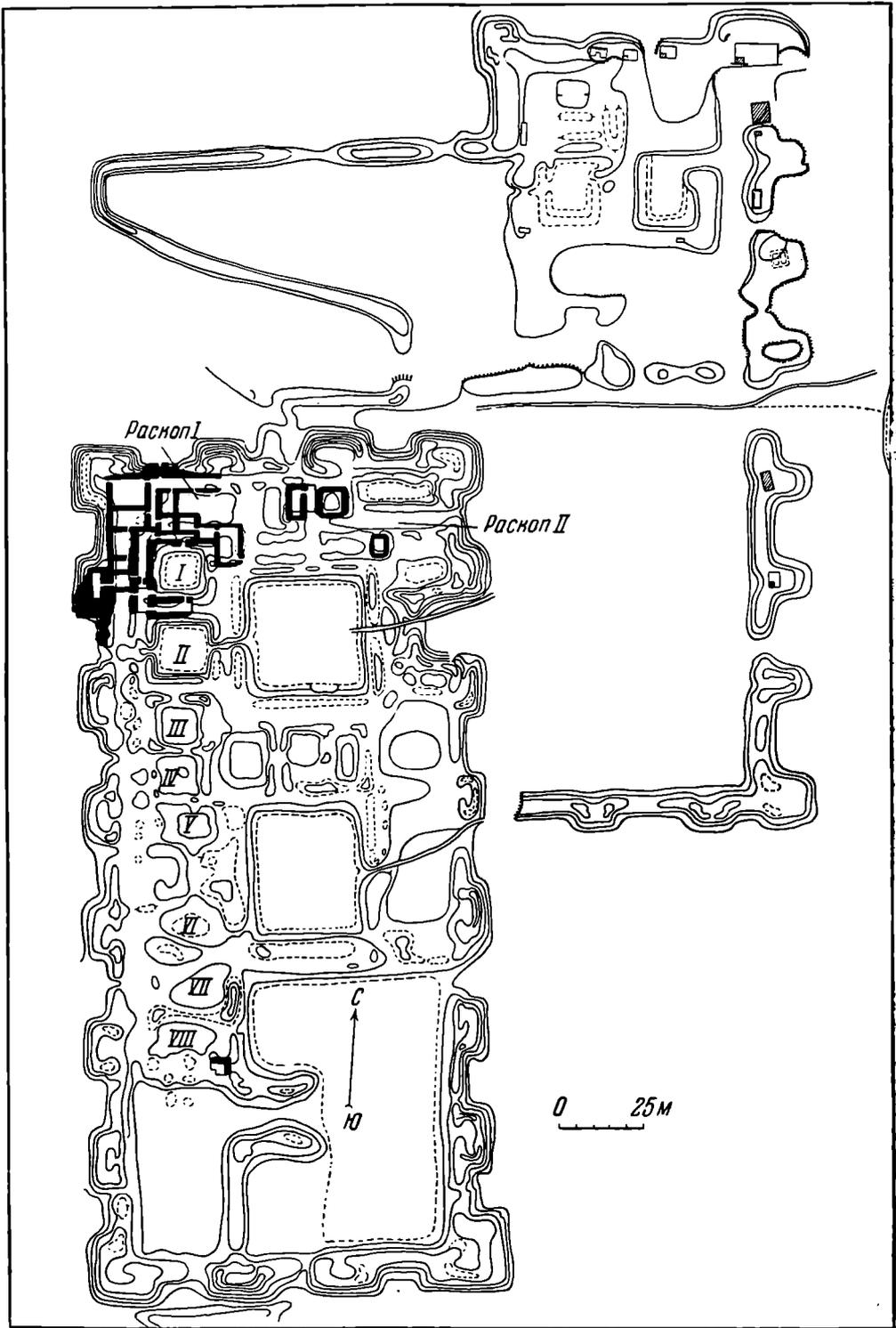

Рис. 27. План городища Кузна-кала. (Черным выделены стены раскопанных помещений).

комплекс сооружений был недостроен и необжит (разумеется, до раскопок городища в целом нельзя быть уверенным, что все помещения не были закончены). В силу каких-то причин строительство было приостановлено, и сооружения оказались заброшенными. Через некоторое, — впрочем, едва ли очень продолжительное, — время отдельные комнаты были использованы окрестным населением в качестве погребальных камер.

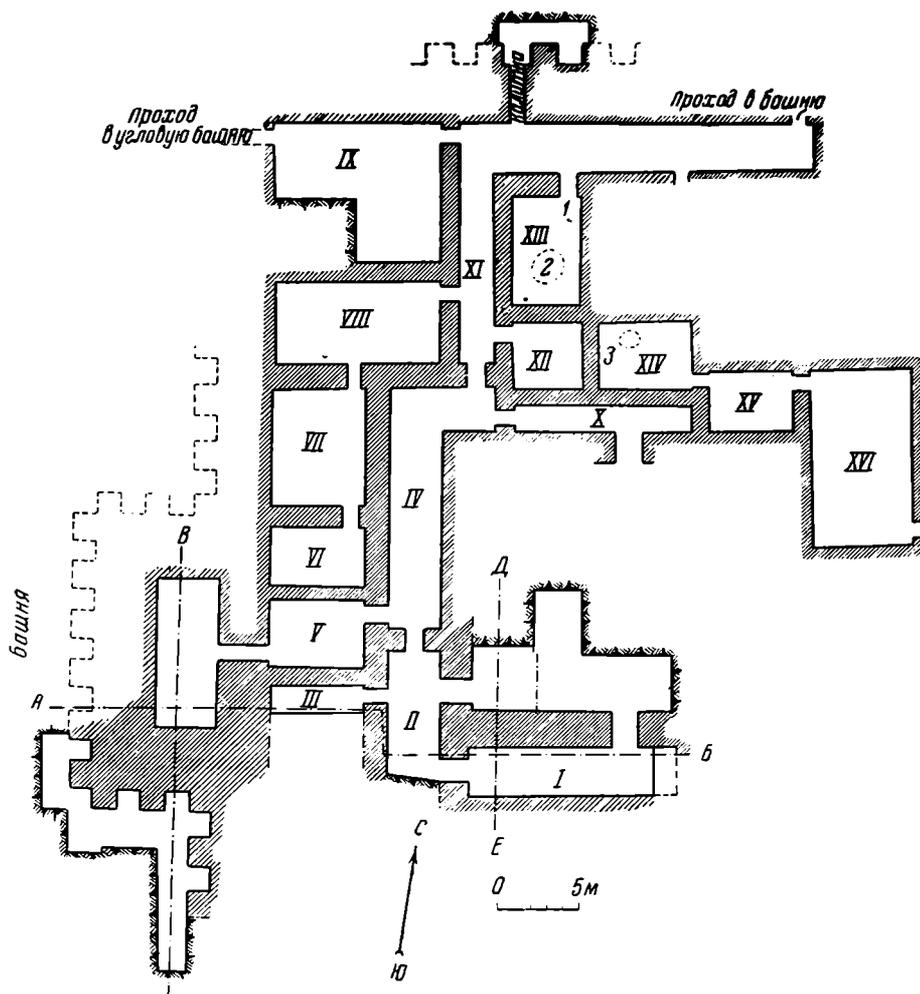

Рис. 28. Городище Кухна-кала. План расположения помещений, вскрытых на раскопе II.

1 — место находки бронзового браслета (помещение XIII); 2 — скопление человеческих костей, бусы, керамика (помещение XIII); 3 — место находки бронзовых серег, поделок, человеческих костей и керамики (помещение XIV).

Любопытную параллель мы находим в Хорезме. Работами Хорезмской археолого-этнографической экспедиции для городища Калалы-гыр I установлены 3 периода существования: «1) период строительства, которое, однако, осталось незавершенным (конец V в.—начало IV в. до н. э.); 2) период частичного заселения здания, прерванный какой-то катастрофой, связанной с большим пожаром (IV—III вв. до н. э.); 3) период использования стен городища и здания для оссуарных захоронений (III в.—начало IV в. н. э.)»¹.

Раскопки 1954 г. позволили уточнить и отчасти расширить представления о фортификационной системе Кухна-калы. Благодаря расчистке внутрибашенного помещения установлена величина башни. Ее размеры должны были равняться в длину примерно 17 м (с выступами — почти 20 м);

¹ Сессия, посвященная итогам археологических и этнографических исследований 1953 г. СЭ, 1954, № 3, стр. 89 (Хроника).

она выдается из стены на 7,4 м (с выступами — около 9 м). Куртины, по ориентировочному подсчету, достигали 16—18 м длины. Следует отметить, что дополнительные выступы располагались на углах башен по типу «ласточкина хвоста».

При сопоставлении с фортификационными сооружениями городища Кей-Кобад шах укрепления Кухна-калы оказываются значительно более мощными. При одинаковой примерно толщине крепостной стены (даже если считать без выступов) башни здесь более крупные (на городище Кей-Кобад шах они снаружи имеют размер всего 13×6 м) и расположены чаще (куртины короче на 2—6 м); кроме того, стены и башни снабжены дополнительными выступами. Размер башен и частота их расположения в Кухна-кале почти точно такие же, как в Беграме¹, являвшемся крупным центром.

Вторая, северо-восточная площадь Кухна-калы также обведена стеной. Здесь наряду с башнями, по внешнему виду похожими на башни первой площади, есть и резко отличные от них. Форма башен восточного фаса, а также микрорельеф их верхней площадки указывают как будто на то, что выступ башни за плоскость стены достигал длины самой башни по фронту или даже, скорее, превосходил ее, причем внутрибашенные помещения были не вытянуты вдоль стены, а поставлены по отношению к ней перпендикулярно. Обращает на себя внимание также расположение башен на юго-восточном углу, приближающееся к типу «ласточкина хвоста».

Характеристика оборонительной системы Кухна-калы была бы неполной, если не отметить еще несколько деталей. Судя по микрорельефу, вдоль всего южного и половины восточного фасов первой площади, отступя на 10—15 м от линии башен, по краю оврага шла вторая — внешняя — оборонительная стена, сейчас сохранившаяся в виде небольшого прерывающегося вала. Так как западная стена отстояла от обрыва террасы Вахша на 60—70 м, для усиления обороны с этой стороны вдоль обрыва было поставлено несколько башен-фортов, имеющих сейчас вид оплывших бугров. Все это значительно усиливало фортификацию Кухна-калы в целом, а первой площади — в особенности. Характерно, что дополнительные сооружения располагались там, где первая площадь не была включена в систему оборонительной стены второй площади.

Тщательному повторному обследованию подвергся микрорельеф первой площади. Данные о соотношении отдельных элементов микрорельефа и реальной планировки, полученные на участке раскопа I, позволили сделать попытку реконструкции планировки.

Таким образом, работы 1954 г. подтвердили выводы и наблюдения первого года раскопок и значительно расширили наши представления о памятнике.

Отметим особое значение, которое имеет решение вопроса о датировке памятника. Наличие в погребальном инвентаре захоронения, обнаруженного в 1953 г., монеты «безымянного царя» свидетельствует о том, что памятник был возведен до нашей эры. Сопоставление фортификационной системы Кухна-калы с укреплениями двух ближайших изученных бактрийских городов — Кей-Кобад шаха, возникшего в III в. до н. э., и Беграма, основанного, видимо, несколько позже, выявляет большую близость к Беграму².

В Кей-Кобад шахе при раскопках обнаружены пристроенные к углам башен прямоугольные выступы, которые не служили контрфорсами. Как известно, ремонт укреплений Кей-Кобад шаха производился близ рубежа

¹ R. Ghirshman. Bégram. Recherches archéologiques et historiques sur les Kouchans. Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan, t. XII, Caire, 1946, стр. 16 и сл.

² Интересно, что среди знаков на кирпичах в Кухна-кале преобладает знак, варьирующий греческую букву θ ; в Беграме на кирпичах стоит тот же знак. Разумеется, это деталь, но показательная.

нашей эры. Представляется, что эти выступы являлись как бы отголоском той фортификационной схемы, которая нашла воплощение в Кухна-кале. Следовательно, Кухна-кала скорее всего должна датироваться II в. — началом I в. до н. э.

Этот памятник, меньший по размерам, чем Кей-Кобад шах, обладал более мощными укреплениями, обеспечивавшими исключительно сильную защиту. Учитывая и беграмский материал, мы полагаем, что следует поставить вопрос о значительном прогрессе фортификационной техники Бактрии в III — II вв. до н. э. Одной из причин этого, несомненно, была возросшая опасность нападения кочевников с севера. Не было ли связано начало строительства Кухна-калы с тем периодом, когда «огромные полчища кочевников», которыми когда-то пугал Евтидем Антиоха III, уже были готовы к вторжению? Такая догадка кажется очень вероятной. Если принять это предположение, то временем возведения Кухна-калы следует считать 3-ю четверть II в. до н. э. Тогда станут понятными причины недостроенности и необжитости сооружений — тохарское завоевание.

Все изложенное о датировке и обстоятельствах сооружения Кухна-калы служит, разумеется, лишь рабочей гипотезой, возникшей в процессе раскопок. Но если она правильна, то этот памятник приобретает чрезвычайно важное историческое значение — свидетельства о характере и последствиях завоевания тохарами Бактрии.

Мы не имеем возможности остановиться на всех других вопросах и проблемах, связанных с изучением городища. Например, чрезвычайно показательно, что вся застройка была произведена по единому генеральному плану; характерна органическая связь планировки с фортификационной системой.

Рассматривая фортификационную схему Кухна-калы с точки зрения требований, предъявляемых военными теоретиками западной части эллинистического мира (Филон Александрийский и др.)¹, можно констатировать высокий уровень бактрийской фортификации.

* * *

Городище Кум-тепе расположено также несколько отступая от обрыва террасы Вахша. Оно как бы втиснуто между двумя глубокими и крутыми оврагами, перерезывающими террасу с востока на запад. Удачное использование рельефа усилило неприступность укреплений. Центральная часть городища прямоугольная (71 × 85 м). Башни помещались по углам и в середине сторон. В середине восточной стороны были ворота, фланкированные башнями. Внутри городища рельеф почти совершенно сглажен. Рельеф площадки к востоку от городища довольно сложен. При его анализе возникает предположение, что этот рельеф скрывает какие-то стены (и башни?), предназначенные для усиления обороны ворот (рис. 29).

Для выяснения фортификационной системы Кум-тепе было решено провести раскопки средней по размерам юго-восточной башни. Затем раскоп пришлось расширить, так что по длине он охватил весь участок до городских ворот (рис. 30).

На этом участке укрепления состояли из двух рядов стен, расположенных на расстоянии 1,95—2,05 м друг от друга. Перекрытое сводом пространство между ними образовывало «внутристенный» коридор. Длина его — 29 м (раскопан целиком); на северной торцовой стороне он открывался широким проходом вблизи ворот, другие проходы вели в предвратную и угловую

¹ Droysen. Befestigung. Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Herausg. G. Wissowa. Fünfter Halbband. Stuttgart, 1897.

башни; кроме того, он соединялся с внутривыступным коридором южной стороны. Все проходы — арочные.

Коридор сохранился лучше всего в южной части. Высота его от основания стен до полочки, выше которой начинается свод, равна 2,7 м. Стены поставлены непосредственно на рыхлый лёсс. Основание их сложено из сырцового кирпича (34—36 × 34—36 × 12—14 см). Над основанием — пахса. Свод был выложен из трапециoidalного кирпича. Размер кирпичей свода колеблется (например, 34 × 34 × 27 при толщине 13 см), но характерно, что их формат исходит из размеров обычного формата строительного кирпича; свод выкладывался поперечными отрезками.

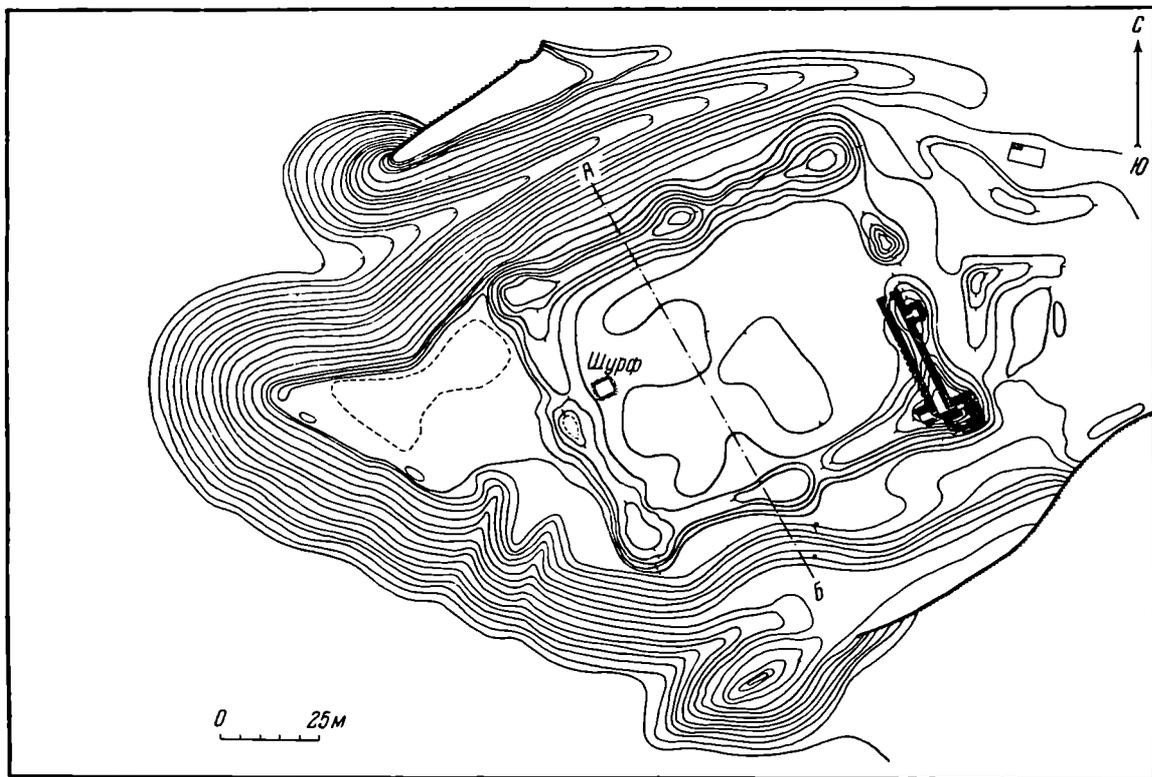

Рис. 29. План городища Кум-тепе. (Черным выделены стены раскопанных помещений).

Внутри угловой башни было два прямоугольных помещения, соединенных арочным проходом. Башни были снабжены прямыми и косыми бойницами.

Раскопан также участок коридора южного фаса, связанный арочным проходом с восточным. Южный коридор, в отличие от северного, имел бойницы.

Кроме того, были заложены раскопы внутри и вне городища. Благодаря им удалось, в частности, установить, что толщина внутренней городской стены достигала 1,9 м; толщина стены углового внутрибашенного помещения равнялась (с восточной стороны) 2,3 м.

Фортификационная система в таком виде, как мы ее описали, возникла не сразу — ее история установлена в результате работ 1954 г.

Слой внутри коридора и башен оказался сильно насыщенным культурными остатками. Здесь собрано много костей животных, несколько сот фрагментов керамики, целые сосуды. Неожиданностью была находка в коридоре большого количества глиняных грузил для ткацкого станка (только целых было найдено около полутора десятков). Обнаружены полусферическая каменная чашечка прекрасной работы, крупные железные изделия, бронзовые поделки. Очень распространены были мелкие зернотерки.

Керамика из раскопок 1953—1954 гг. городищ близ Ворошилобада отличается от керамики, известной из других мест Северной Бактрии. Все это не может не затруднять датировку материала из Кум-тепе. Пока следует отметить лишь некоторые точки соприкосновения с керамикой Кобадиян III.

Не останавливаясь на сопоставлении этого памятника с другими, укажем лишь на большую близость его с хорезмийской крепостью кушанского времени Анга-кала¹. Поразительно, что совпадают не только фортификационные схемы и размеры, но и ряд деталей и приемов. Как известно,

в центральных областях Средней Азии своды выкладывались в основном из того же сырца, что и стены. В Хорезме же для выкладки сводов применялся трапецидальный прямоугольный кирпич. Сочетанием обоих приемов характеризуются постройки Пянджикента². Кум-тепе четко примыкает и в этом отношении к Хорезму и Пянджикенту. Такие разносторонние бактрийско-хорезмийские аналогии в области фортификации и строительной техники могут свидетельствовать и о соответствующих историко-культурных связях.

Раскопки Кум-тепе только начаты. Продолжение их даст, очевидно, материал для более широкого освещения облика самого памятника, его истории и места в истории среднеазиатской фортификации.

* * *

*

В кишлаке Ворух (Исфаринский район) были продолжены раскопки на 2 могильниках: в кишлаке Ворух (вскрыто 18 курганов) и близ Ворухского ущелья (вскрыто 15 курганов)³. Могильники оказались хронологически близкими.

Для всех насыпей характерно наличие более или менее четко выраженного кольца, сложенного из крупных камней. Диаметр насыпи в могильнике близ ущелья в среднем составлял 6—10 м, высота — 0,3—0,9 м; примерно таковы и насыпи курганов в Ворухском могильнике. Под насыпью в ряде курганов

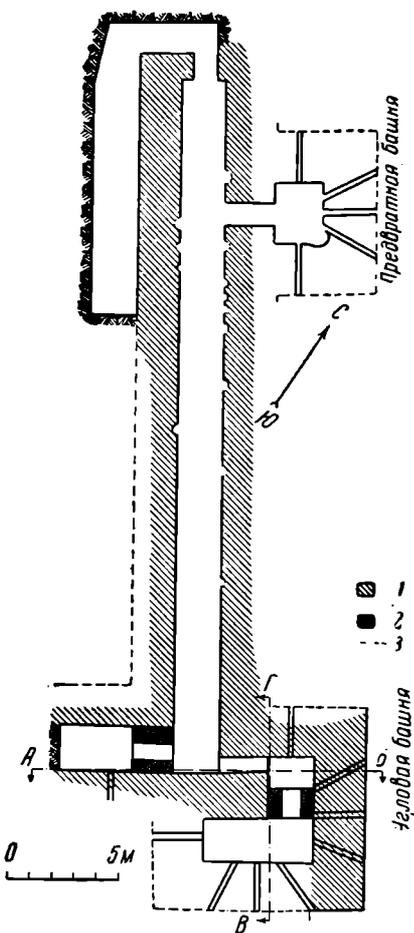

Рис. 30. Городище Кум-тепе. План раскопа.

1 — основные стены; 2 — пристройки; 3 — линия реконструкции.

имелось деревянное перекрытие над частью ямы. В нескольких случаях в насыпи или под ней найдены фрагменты керамики.

Могильные сооружения в обоих могильниках разнообразны по типам:

1. Обычная грунтовая яма с вертикальными стенками.

2. Грунтовая яма, расширяющаяся вниз, причем входное отверстие расположено над дном или асимметрично смещено. Один из вариантов этого типа — грунтовая яма со сводчатой в очертании подбойной нишей вдоль одной из длинных сторон. Второй вариант — яма со сводчатыми в очертании подбойными нишами вдоль одной или чаще обеих коротких сторон.

¹ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 113—115.

² В. Л. Воронина. Древняя строительная техника Средней Азии. Сб. «Архитектурное наследие», вып. 3, 1953, стр. 18, 19.

³ Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района. Труды Тадж. ССР, т. XXXV, Сталинабад, 1955, стр. 22—70, 138—149 и др.

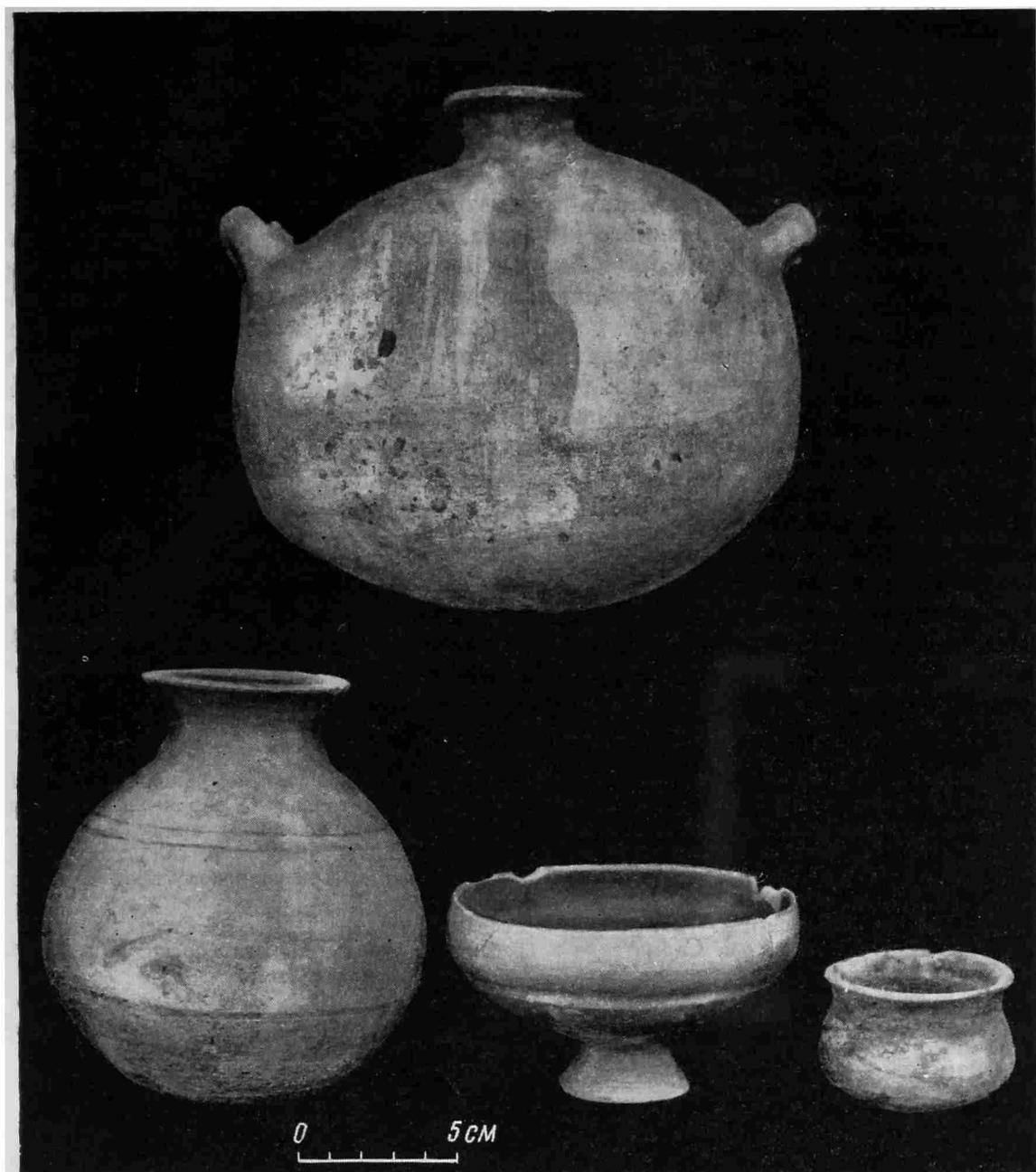

Рис. 31. Сосуды из Ворухских могильников.

3. Катакомба с длинной осью, параллельной длинной оси дромоса.

4. Катакомба с длинной осью, перпендикулярной длинной оси дромоса¹.

Грунтовые ямы двух последних типов засыпались землей со щебнем, с использованием крупной гальки. Входная часть катакомбных могил в большинстве случаев аккуратно закладывалась крупной галькой.

В Ворухском могильнике много коллективных захоронений. В основной части погребений покойник клался вытянуто на спине, на грунт, подстилку, широкую деревянную доску или в гроб (деревянные долбленные гробы — колоды встречены в обоих могильниках; длина одной из колод — 2,73 м).

В курганах собран обильный погребальный инвентарь. Так, например, коллекция керамики включает 50 целых и 6 фрагментированных сосудов

¹ Разумеется, все эти типы связаны переходными вариантами; особенно трудно наметить четкую грань между вторым и третьим типами. Процентное соотношение различных типов могильных сооружений в Ворухском могильнике иное, чем у Ворухского ущелья.

(рис. 31). Среди них три совершенно уникальные, по форме отчасти напоминающие этнографические мург-оби и генетически восходящие, несомненно, к таштыкским бочонковидным¹ сосудам, исходной формой для которых в свою очередь был деревянный бочонок типа оглахтинского². Интересны находки многочисленных пряслиц (в том числе с сохранившимся веретенем). Среди изделий из железа следует отметить трехлопастные наконечники стрел, ножи, пряжки и др. Много предметов из бронзы; среди них — инкрустированная рукоятка железного кинжала, являющаяся точной копией бронзовой рукоятки из кургана № 1 Агаповского могильника (позднесарматское время)³, почти целая полусферическая чаша и много других. Судя по находкам, широко были распространены различные деревянные изделия (сосуды, плетеные корзинки, деревянные гребешки, так называемые столики и др.). В числе украшений, наряду с изготовленными в Средней Азии, были и сердоликовые бусы, сделанные греко-египетскими мастерами⁴; найден также фрагмент поделки из хотанского нефрита.

Анализ собранного материала позволит в дальнейшем сделать заключение о хозяйстве кочевников Исфары, о характере их взаимосвязей с оседлым населением. Раскопки 1954 г. подтвердили сделанные нами ранее наблюдения о месте культуры кочевников Воруха и ее связях с культурой кочевников других районов Средней Азии и прежде всего равниной Ферганы, о связях с сарматской культурой⁵. Вместе с тем стали яснее северо-западные связи с Сибирью. С гораздо большей определенностью выявляется теперь и своеобразие материала из самих могильников.

---

¹ Описанный С. В. Киселевым сосуд происходит из Усть-Тесь (кольцо 2; раскопки 1932 г.) и хранится в ГИМ (без шифра). См. также: С. А. Теплоухов. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края (в кратком изложении). Материалы по этнографии, т. IV, вып. 2, Л., 1929, стр. 50, табл. II, 1; В. П. Левашова. Из далекого прошлого южной части Красноярского края. Красноярск, 1939, стр. 43, рис. 19.

² ОАК за 1903 г., стр. 129, рис. 260, стр. 130.

³ К. В. Сальников. Сарматские погребения в районе Магнитогорска, КСИИМК, XXXIV, 1950, стр. 117, рис. 34.

⁴ По определению Г. Г. Леммлейна.

⁵ Б. А. Литвинский. Археологическое изучение Таджикистана советской наукой (краткий очерк). Труды Академии наук Тадж. ССР, т. XXVI, 1954, стр. 50, 51.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

61

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1956

Б. А. ЛИТВИНСКИЙ

СЕВЕРНАЯ НАДПИСЬ В ВАРУХСКОМ УЩЕЛЬЕ

(Опыт исторического исследования по данным нумизматики)

В нескольких километрах от горного кишлака Варух (Таджикская ССР, Ленинабадская область, Исфаринский район), там, где речка Исфара входит в живописное ущелье, на левом, западном, берегу на скале высечены две надписи¹. Они уже неоднократно привлекали внимание исследователей. Одна из них — северная — была издана В. В. Бартольдом (текст и перевод); впоследствии ею специально занимался К. А. Иностранцев².

Особая ценность этой надписи состоит в том, что она абсолютно точно датирована в самом тексте (29 декабря 1041 г.). Если прибавить, что политическая история Средней Азии в эпоху господства караханидской династии известна очень мало, то важность Варухской надписи как исторического источника станет еще более очевидной.

Издатели и истолкователи надписи, В. В. Бартольд и К. А. Иностранцев, фактически не объяснили, кем являлись упомянутые в надписи лица, и не подвергали ее историческому анализу. К. А. Иностранцев записал лишь в качестве объяснения назначения надписи, что «она указывает местность, предназначенную для заповедного пастбища»³. В настоящей заметке делается попытка идентификации упомянутых в надписи лиц с представителями караханидской династии, известными из письменных источников и по монетному чекану. При этом дается иное истолкование назначения надписи, чем приведенное выше.

В надписи фигурирует Муизз-ад-давла Арслан-тегин Абу-л-Фазл ал-Аббас, сын Муайид-ал-адля илека, сына эмира Насра, сына Али-Саидхана. Таким образом, из текста прямо следует, что ее автор был внуком известного караханида, завоевателя Мавераннахра, Насра б. Али. В 30-е годы и в начале 40-х годов XI в. в политической жизни Средней Азии участвовали два сына Насра б. Али: Абу Исхак Ибрагим Бури-тегин и Айн-ад-давла; если исходить только из текста, отцом автора надписи мог быть каждый из двух братьев.

¹ ПТКЛА, год 1-й, Ташкент, 1896, стр. 19; М. С. Андреев. Местности Туркестана, интересные в археологическом отношении. «Среднеазиатский вестник», 1896, май, отд. оттиск, стр. 13; ПТКЛА, год 9-й, Ташкент, 1904, стр. 6, 7; В. В. Бартольд. Текст первой надписи в Варухском ущелье. ПТКЛА, год 9-й, стр. 46, 47; А. [А]. Понатов. Поездка в Варухское ущелье в 1904 г. ПТКЛА, год 9-й, стр. 43, 44; К. А. Иностранцев. К толкованию нижней надписи в Варухском ущелье. Сборник МАЭ, т. V, вып. 2, 1925, стр. 553—556 и др.

² Оба существовавшие до сих пор названия этих надписей являются неточными. Поэтому мы предлагаем надпись 1041 г. называть северной, а другую — южной. В дальнейшем изложении мы касаемся лишь северной надписи, поэтому для краткости называем ее просто «Варухская надпись».

³ К. А. Иностранцев. Указ. соч., стр. 555.

Письменные источники по истории Караханидов в первой половине XI в. изучены В. В. Бартольд¹, но они не дают ответа на вопросы, связанные с Варухской надписью. Недавно О. Прицак, в связи с рассмотрением некоторых проблем истории Караханидов, посвятил специальный экскурс Айн-ад-давла², используя для этой цели данные монетного чекана.

Историческое лицо с лакабом «Айн-ад-давла», известное из текста Бейхаки, дважды встречается и в монетном чекане: первый раз — в чекане Ахсикета 415 г. х. (1024/1025 гг. н. э.)³, второй — в чекане Ходжента 434 г. х. (1042/1043 гг. н. э.)⁴.

Раскрывая инкогнито «Айн-ад-давла» письменных источников и монет, О. Прицак идентифицировал его с «муайид-ал-адлем» монетного чекана Узгенда 1033—1034 гг. (не приведя тому соответствующих доказательств) и Бухары 1041—1044 гг. н. э. (основываясь на чрезвычайно спорных соображениях). Из того, что Айн-ад-давла правил в Узгенде — коренной территории своего отца — и одно время носил главный лакаб Насра б. Али — «муайид-ал-адль», этот исследователь делает вывод о том, что Айн-ад-давла был старшим сыном Насра б. Али.

Развивая это положение, О. Прицак приходит к заключению, что только после смерти Айн-ад-давла (предположительно в 40-х годах XI в.) брат его, Бури-тегин, становится первым лицом в государстве и с этого времени присваивает лакаб «муайид-ал-адль»⁵.

В своих построениях исследователь исходит из убеждения в незыблемой силе авторитета иерархической системы среди членов караханидской династии. Хотя внешне эти построения кажутся стройными, их коренной недостаток заключается в том, что они подменяют реальную политическую жизнь схемой, не имевшей того решающего значения, которое ей приписывается.

В решении интересующего нас «спорного вопроса» о Бури-тегине и Айн-ад-давла О. Прицак в недостаточной мере опирается на факты. Ему остались неизвестными некоторые важные публикации караханидских монет и даже в использованных каталогах упущены интереснейшие монеты. Кроме того, автор даже не попытался проанализировать обстановку, в которой появлялись те или иные монеты.

Все это заставляет относиться к выводам О. Прицака с большой осторожностью. Вопрос о том, кто носил в начале 40-х годов XI в. лакаб «муайид-ал-адль», решается им с полной определенностью — он приписывает его Айн-ад-давла. Тогда именно последний, а не Бури-тегин, должен был бы являться отцом автора Варухской надписи. Но так ли это?

Лакаб правителя Исфары «Муизз-ад-давла» встречается и на монетах. Известна публикация монет исфиджабского чекана, на оборотной стороне которых проставлено имя Ахмеда б. Али и «малика Муизз-ад-давла». Они биты в 400 г. х. (1009/1010 гг. н. э.) и 401 г. х. (1010/1011 гг. н. э.)⁶. На ахсикетских монетах 417 г. х. (1026/1027 гг. н. э.) и 418 г. х. (1027/1028 гг. н. э.) на аверсе — лакаб «Муизз-ад-давла», а на реверсе — Малик-Туган-хан илек (брат Али-тегина). Кроме того, опубликованы ахсикетские монеты 418 г. х., где на аверсе стоит лакаб «Муизз-ад-давла». Еще в 420 г. х. (1029 г. н. э.) в Ахсикете чеканились монеты, на аверсе которых

¹ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II. Исследование. СПб., 1900, стр. 281 и сл.

² O. Pritsak. Karachanidische Streitfragen. «Oriens», vol. 3, № 2, Leiden, 1950, стр. 224—227. Указанием на эту работу автор обязан А. М. Беленицкому.

³ А. К. Марков. Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа. СПб., 1896, стр. 245, № 347.

⁴ Там же, стр. 256, № 401.

⁵ O. Pritsak. Указ. соч., стр. 226, 227.

⁶ А. К. Марков. Указ. соч., стр. 221, № 200—203.

проставлено «Муизз-ад-давла», а на реверсе — «Кадыр-хан малик-ал-машрик»¹. Лакаб «Муизз-ад-давла» встречается также на аверсе монет, чеканенных в Касане в 423 г. х. (1031/1032 гг. н. э.)².

Что касается отца правителя Исфары, то он назван «муайид-ал-адль илек сын эмира Насра». Известно, что одна из древнейших караханидских монет — монета чекана 386 г. х. (996 г. н. э.) бита в Фергане от имени Тегин-ал-джалил ал-эмир ал-муайид-ал-адль Тика-тегина³. Вслед за покорением Насром б. Али Мавераннахра лакаб «муайид-ал-адль» («защитник справедливости») становится неотъемлемой частью его имени на монетах, причем на некоторых он встречается и после смерти Насра б. Али. Издавая одну такую монету 406 г. х. (1015/1016 гг. н. э.), Б. Дорн включил ее в группу монет, предположительно чеканенных или Шараф-ад-дином Туганом или Ахмедом б. Али⁴.

Затем, после длительного перерыва, этот лакаб появляется на узгендских монетах 424 и 425 гг. х. (1032/1034 гг. н. э.)⁵. В кешском чекане 431 г. х. (1039/1040 гг. н. э.) А. К. Марков зафиксировал «аль-муайид-ал-адль хан Наср»⁶. На бухарской монете 423 г. х. [возможно, 433 г. х. (1041/1042 гг. н. э.)] Х. М. Френ прочел (с вопросом) «ал-муайид-ал-адль хахан»⁷. Б. Дорном приведена бухарская же монета 435 г. х. (1043/1044 гг. н. э.), на аверсе которой читается «ал-муайид-ал-адль», а на реверсе — «Тамгач Бугра Кара Хакан Ибрагим бен-Наср»⁸. Впоследствии длинное имя Тамгач-хана Ибрагима на монетах обычно включает лакаб «муайид-ал-адль». Но и в эпоху его могущества, в 443 г. х. (т. е. не раньше 1048 г. н. э.) в Бухаре чеканится монета, на которой правитель обозначен просто как «муайид-ал-адль Ибрагим»⁹.

При анализе этих данных обращает на себя внимание наличие лакаба «муайид-ал-адль» на узгендских монетах 424—425 гг. х. (1031—1034 гг. н. э.). Из Бейхаки¹⁰ известно, что в 429 г. х. (1037/1038 гг. н. э.) в Узгенде сидел Айн-ад-давла. Можно предположить, что он был правителем этого города и раньше и что монеты 424—425 гг. х. выпускал он, но уверенности в этом до сих пор не было. Можно доказать, что правителем Узгенда в 424—425 гг. х. был именно Айн-ад-давла, а не его брат Абу Исхак Ибрагим Бури-тегин, который, рассуждая чисто логически, также мог ввести в своей монетный чекан лакаб «муайид-ал-адль», когда-то принадлежавший их отцу Насру б. Али. Дело в том, что на одной из изданных монет 424 г. х. фигурирует¹¹: المويد العدل كج تكين

¹ А. К. Марков. Указ. соч., стр. 246, 247, № 352—358; стр. 250, № 373, 374.

² Там же, стр. 251, № 380.

³ Там же, стр. 198, № 2.

⁴ В. Дорн. Über die Münzen der Ileke oder ehemaligen Chane von Turkestan. «Mélanges Asiatiques», VIII, St.-Petersbourg, 1881, стр. 719, № 46 (со ссылкой на Соре, который эту монету приписывал Тугану); см. также В. В. Григорьев. Неизданные монеты уйгурских владельцев Мавераннахра. Ученые записки Казанского университета по отд. ист.-филол. и полит.-юридич. наук, вып. 1, Казань, 1865, стр. 8.

⁵ А. Tewhid. Musée Imperial Ottoman. Section des monnaies musulmanes, IV. Constantinople, 1903, стр. 11, № 16; А. К. Марков. Инвентарный каталог..., добавление 3, стр. 925, № 384f.

⁶ А. К. Марков. Указ. соч., стр. 255, № 396—398. В чтение, видимо, следует внести пропущенное «бен».

⁷ Ch. M. Fraehn. Recensio numorum muhammedanorum. Petropoli, 1826, стр. 140, № 73.

⁸ В. Дорн. Указ. соч., стр. 732, № 105; его же. Inventaire des monnaies des khalifes orientaux et des plusieurs autres dynasties, 2. St.-Petersbourg, 1881, стр. 223, № 109 (вместо المويد العدل ошибочно الموقد العدل).

⁹ А. К. Марков. Указ. соч., стр. 263.

¹⁰ The Tarikh-i-Baihaki..., ed. by W. N. Morley... Calcutta, 1862, стр. 682, 697.

¹¹ А. Tewhid. Указ. соч., стр. 11, № 16.

Эта монета никак не могла чеканиться Абу-Исхаком Ибрагимом, ибо он носил титул Бури-тегин, на монете же — титул كچ تكين. Отсюда вытекает, что узгендский чекан в 1032—1034 гг. осуществлял Айн-ад-давла и на монетах этих двух лет ставился его лакаб «муайид-ал-адль».

Установив факт правления Айн-ад-давла в Узгенде в 1032—1034 гг., мы обнаружили и его титул, не отмеченный в исторической литературе и оставшийся неизвестным О. Прицаку. Знание же титула позволяет выявить чекан Айн-ад-давла в Узгенде в 422 г. х. (1030/1031 гг. н. э.) и 423 г. х. (1031/1032 гг. н. э.), когда на монетах стоял только كچ تكين без сочетания с лакабом «ал-муайид-ал-адль»¹. Следовательно, Айн-ад-давла чеканил монеты в Узгенде по крайней мере с 422 г. х. (1030/1031 гг. н. э.). Однако в чекане этого, а также следующего 423 г. х. (1031/1032 г. н. э.) он довольствовался указанием титула كچ تكين. В 1032 г. умер его сюзерен Кадыр-хан Юсуф. Видимо, наступил, как это часто бывало в истории Средней Азии, смутный период фактического междуцарствия. В этот момент, в 424 г. х. (1032/1033 гг. н. э.), Айн-ад-давла резко меняет, судя по нумизматическим материалам, политический курс. Он вводит на монетах громкий лакаб своего отца, покорителя Мавераннахра, именуя себя الموييد العدل или الموييد العدل كچ تكين

Такое изменение демонстрировало его независимость, а вместе с тем и притязания на самостоятельную власть над Мавераннахром. Однако наследник Кадыр-хана Юсуфа сумел упрочить свою власть и принял меры против бунта вассала, очевидно, уже в 425 г. х. (1033/1034 гг. н. э.). В начале этого года еще чеканились монеты с лакабом «муайид-ал-адль», но в том же году в Узгенде были выпущены монеты, где вместо эффектного الموييد العدل كچ تكين стоит лишь одно слово قچ². Как разворачивались события дальше, мы точно не знаем. Ясно лишь, что положение Айн-ад-давла стабилизировалось, он каким-то образом уцелел, но вновь должен был довольствоваться своим скромным титулом³. Попытка отложиться и захватить Мавераннахр, как видно, не имевшая серьезной военно-политической базы, полностью провалилась.

Восстановив ход событий, можно сказать, что вывод О. Прицака о том, что лакаб «аль-муайид-ал-адль» был свойственен чекану Айн-ад-давла как следствие его старшинства и первородства, не подтверждается фактами. Этот лакаб помещался не всегда, а только в тех случаях, когда ставились, в связи с определенной политической ситуацией, более широкие, чем прежде, политические цели.

Монеты периода возвышения Бури-тегина и утверждения его власти публиковались неоднократно. На кешских монетах 431 г. х. (1039/1040 гг. н. э.), изданных А. К. Марковым, стоит «ал-муайид-ал-адль хан Наср»⁴. Сам по себе лакаб «муайид-ал-адль», как указывалось выше, мог принадлежать в равной степени и Айн-ад-давла и Бури-тегину. Однако в это время Бури-тегин захватывает города Мавераннахра, — факт, который исследователи, не считающиеся с конкретной политической обстановкой, в расчет не принимают. Есть и другие кешские монеты этого же года, содержащие более определенные сведения.

¹ Там же, стр. 8, № 9; стр. 10, № 14; см. также на стр. 13, № 20 (такая же монета 42... г. х.).

² А. Тевхид. Указ. соч., стр. 12, № 18. Быть может, колебания в написании этого слова (قچ и كچ) возникли в связи с неуверенностью резчика штампа при передаче арабской графикой малознакомого ему тюркского слова.

³ А. К. Марков. Указ. соч., стр. 253, № 385.

⁴ А. К. Марков. Указ. соч., стр. 255, № 396—398.

В. Г. Тизенгаузен издал кешскую монету 431 г. х., на реверсе которой читалось¹: الله | محمد رسول الله | القائم بامر الله | الموييد(?) | بوري تكين

Подобная монета была опубликована и Б. Дорном². Им же опубликована и другая чекана 431 г. х.³, на реверсе которой было прочитано:

الله | القائم بامر الله | قطب(?) | الدولة بوري... | تكين

Таким образом, на некоторых кешских монетах 431 г. х. не только стоит титул Бури-тегина, но он употребляется и в сочетании с лакабом «муайид-ал-адль».

Следует сопоставить монеты, изданные В. Г. Тизенгаузеном и Б. Дорном, с узгендскими чекана Айн-ад-давла 424 г. х., изданными А. Тавхидом. На узгендских монетах, как установлено выше, принадлежавших чекану Айн-ад-давла, после лакаба «муайид-ал-адль» шел титул كج تكين, тогда как на кешских фигурирует титул بوري تكين. Это существенное различие не может игнорироваться; оно четко выявляет непреложный факт, что лакаб «муайид-ал-адль» на этих 2 группах монет отнесен к разным лицам: на узгендских — к Айн-ад-давла, на кешских — к Бури-тегину. К тому же сохранилась монета, чеканенная от имени самого Айн-ад-давла в Ходженте в 433 г. х. (1041/1042 гг. н. э.)⁴, т. е. после утверждения Бури-тегина в Мавераннахре, когда лакаб «муайид-ал-адль» широко проставлялся на монетах. Но дело в том, что на ходжентской монете, несомненно, принадлежавшей чекану Айн-ад-давла, этот лакаб как раз отсутствует.

Следует привести один дополнительный штрих: в ходжентском чекане его отца — Насра б. Али ставилось «муайид-ал-адль»⁵. Очевидно, должен был бы ставить его и Айн-ад-давла, если бы он, действительно, в силу наследственного права являлся преемником Насра б. Али и носителем его лакаба. Но этого, как мы видим, нет.

Итак, к бесспорному чекану Айн-ад-давла могут быть отнесены следующие монеты:

№ пп	Год хиджры	Город	Лакаб
1	415	Ахсикет	Айн-ад-давла
2	422	Узгенд	—
3	423	" "	—
4	424	" "	Муайид-ал-адль
5	425	" "	" "
6	425	" "	—
7	427	Ахсикет	—
8	433	Ходжент	Айн-ад-давла
9	После 422	Город стерт	—

Как видно по таблице, из девяти (или более) выявленных годов чекана Айн-ад-давла только для двух лет известно употребление лакаба «муайид-ал-адль». Как раз в эти годы введение указанного лакаба преследовало определенные политические цели.

Приведенные выше данные делают вопрос настолько ясным, что дополнительные доказательства едва ли требуются. Таким образом, выявление и сопоставление нумизматических данных с учетом ранее собранных

¹ W. Tiesenhause n. Notice sur une collection de monnaies orientales de M. le comte S. Stroganoff. St.-Petersbourg, 1880, стр. 17, № 33.

² B. Dorn. Inventaire... стр. 223, № 106.

³ B. Dorn. Über die Münzen... стр. 731, № 102.

⁴ А. К. Марков. Указ. соч., стр. 256, № 401.

⁵ См., например, St. Lane-Poole. The coins of the Mohammedan dynasties in the British Museum, vol. III. London, 1876, стр. 121, № 434.

(В. В. Бартольд) сведений письменных источников позволяют решить вопрос о Бури-тегине и Айн-ад-давла, а также осветить ранее неизвестный факт в политической истории Ферганы (попытка освободиться из-под власти восточнотуркестанских Караханидов, предпринятая в 1032—1033 гг. Айн-ад-давла). Вместе с тем можно считать установленным, что после захвата власти, уже с 431 г. х. (1039/1040 гг. н. э.) Бури-тегин присваивает лакаб отца «муайид-ал-адль», считая себя, а не своего брата, в соответствии с реальным соотношением сил, преемником Насра б. Али и главой политической власти Мавераннахра.

Междоусобия конца 30-х—начала 40-х годов XI в. кончились захватом Бури-тегином Мавераннахра и утратой Айн-ад-давла значительной части Ферганы. О последнем, вопреки мнению О. Прицака, свидетельствуют и приведенный им рассказ Ибн ал-Асира о разделе в 1043/1044 гг. н. э. Арслан-ханом Сулейманом б. Юсуфом владений между своими родственниками (при котором Фергана досталась его дяде Туган-хану), и монетные данные. Во владении Айн-ад-давла осталась, видимо, только самая западная часть Ферганы.

Именно в это время в Исфаринском районе правителем, согласно надписи в Варухском ущелье, был Муизз-ад-давла. Трудно, даже предположительно, сопоставлять этого правителя Исфары с Муизз-ад-давла исфиджабского чекана 1009—1011 гг., но допустима идентичность автора Варухской надписи и Муизз-ад-давла ахсикетского чекана 1026—1029 гг. и чекана Касана 1031—1032 гг.¹

Каковы были его взаимоотношения с Айн-ад-давла, — неизвестно, но обращает на себя внимание, что с 1032 г., когда Айн-ад-давла выступает с лакабом «муайид-ал-адль», чекан от имени Муизз-ад-давла прекращается.

Таким образом, во время создания Варухской надписи носителем лакаба «муайид-ал-адль» был Бури-тегин. Его следует считать отцом автора Варухской надписи.

Если приведенные нами соображения и построения (также являющиеся гипотезой) правильны, то политическая обстановка в Западной Фергане в начале 40-х годов XI в. должна была быть следующей. Восточнотуркестанские Караханиды стремились к захвату всего Мавераннахра. Поэтому при разделе в 1043/1044 г. сыну Али-тегина, по Ибн ал-Асиру, были предназначены Бухара, Самарканд и «другие области». Но он, очевидно, и без поощрения был полон реваншистских устремлений. С другой стороны, Бури-тегин не должен был полностью доверять и своему брату Айн-ад-давла, сидевшему в Ходженте, так как тот мог в любой момент попытаться отложиться, используя, кстати, помощь восточнотуркестанских Караханидов. Учитывая все это, Бури-тегин посадил в Исфаринском районе, видимо, находившемся на границе с владениями восточнотуркестанских илеков, своего сына Муизз-ад-давла Арслан-тегин Абу-л-Фазл ал-Аббаса. На этой границе после разгрома Газневидов сельджуками Бури-тегину больше всего следовало опасаться агрессивных действий². Одновременно этим актом он парализовал сепаратистские тенденции своего брата. Сын Бури-тегина, получив в удел Исфаринский район, приказал высечь надпись со своим именем и генеалогией, чтобы продемонстрировать и «идеологически» закрепить власть над переданной ему территорией. Такова возможная причина появления надписи в Варухском ущелье — этого своеобразного политического манифеста XI в.

¹ Ср. О. Pritsak. Указ. соч., стр. 225.

² В качестве аналогии можно указать, например, на факт назначения хорезмшахами их сыновей наместниками пограничного с кочевой степью Дженда. См. А. А. Семенов. К вопросу об этническом и классовом составе северных городов империи хорезмшахов в XII в. н. э. (по актам того времени). Изв. отд. обществ. наук АН ТаджССР, 1952, № 2.